

- Сидоров 1953 — В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Труды Института языкознания, т. 2, 1958.
- Соболевский 1900 — А. И. Соболевский (рец.). Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова ... СПб, 1899 // ЖМНП, т. 327, январь, с. 185–193.
- Страхов 1995 — А. Б. Страхов. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI–IX // Palaeoslavica, III (1995). P. 231–279.
- Тот 1978 — И. Х. Тот. К изучению одноеровых памятников XI в. // Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, XXIV, 1978, p. 229–258.
- Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Успенский 1970/1997 — Б. А. Успенский. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкознания, 1970, № 5, с. 80–100. Цит. по изд.: Б. А. Успенский. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 246–288.
- Успенский 1988/1997 — Б. А. Успенский. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988, с. 99–156. Цит. по изд.: Б. А. Успенский. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 143–208.

О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ПАДЕЖ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

§ 1

Постановка задачи

В современной лингвистике значительное внимание уделяется уточнению традиционных грамматических понятий. Одним из способов такого уточнения является построение формализованных аналогов этих понятий, т. е. их моделирование. От моделей такого рода требуется, чтобы в применении к конкретным языкам они давали результаты, по возможности близкие к традиционному описанию. Например, модель грамматической категории падежа должна давать традиционные списки падежей по крайней мере для наиболее известных языков, имеющих падежи.

Практически, однако, результаты такого моделирования обычно не полностью совпадают с традиционными описаниями. Например, если речь идет о падежах, модель может выделить в том или ином языке дополнительные падежи, не признаваемые традицией, или, наоборот, не выделить какого-то из традиционных падежей. Расхождения между моделью и традиционными описаниями могут определяться различными причинами: с одной стороны, просто несовершенством модели, с другой стороны — особенностями самого моделируемого объекта. В самом деле, поскольку традиционное грамматическое представление строго не сфор-

мулировано и допускает некоторый элемент неопределенности, традиционное описание может содержать скрытое внутреннее противоречие; очевидно, что любая последовательная модель в чем-то разойдется с таким описанием. Кроме того, возможно, что традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания (хотя, быть может, это различие никем явно не сформулировано); особенно вероятны такие различия между грамматическими традициями разных языков. В этом случае модель, даже если она адекватно отражает одно из таких пониманий, непременно придет в противоречие с описаниями, основанными на других пониманиях.

Таким образом, для правильной оценки моделей традиционного грамматического понятия существенно установить, последовательно ли применяется это понятие в имеющихся описаниях и не допускает ли оно разных пониманий. Понятно, что такой анализ представляет и самостоятельный интерес (независимо от задач моделирования), поскольку он углубляет наши знания о рассматриваемом грамматическом понятии.

В настоящей работе делается попытка проанализировать с указанной точки зрения традиционное грамматическое понятие «падеж». Поскольку строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет, мы не можем установить, что имеется в виду под падежом, иначе как анализируя употребление данного термина в этих сочинениях. Соответственно, ниже исследуются имеющиеся описания падежных систем разных языков (в особенности те, которые освящены соответствующей грамматической традицией). Предлагается некоторая общая схема, облегчающая сравнение этих описаний между собой. На основании такого сравнения решается вопрос о том, единообразно ли представление о падеже, лежащее в основе разных конкретных описаний, а также о том, нет ли внутренних противоречий хотя бы в некоторых вариантах этого традиционного представления.

Ниже публикуется первая часть этой работы. Она содержит общие положения и разбор основных трудных случаев выделения падежей. Во второй части работы будут рассмотрены некоторые другие трудные случаи такого рода и будет описано значение выявленных расхождений для грамматического моделирования.

Следует оговориться, однако, что в настоящей работе рассматриваются не все возможные расхождения в понимании термина «падеж». Дело в том, что существуют некоторые общеизвестные двусмысленности в понимании этого термина, для установления которых нет нужды в специальном исследовании; о них нужно лишь так или иначе заранее условиться.

Прежде всего, как и названия других грамматических категорий, термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т. д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория

падежа), т. е. грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежа. Ниже речь идет практически везде о конкретных падежах; там, где грозит двусмысленность, даются необходимые уточнения.

Далее, различаются два понимания термина «падеж», которые можно (несколько условно) обозначить как «семантическое» и «формальное». Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен.

Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: «быть субъектом действия», «быть орудием действия», «принадлежать кому-либо (чему-либо)», «быть внутри чего-либо» и т. п. Такое понимание падежа представлено, например, в известном тезисе А. А. Потебни о том, что в русском языке не один творительный падеж, а несколько падежей, обозначаемых именем творительного; имеются в виду значения орудия (*пишу пером*), деятеля (*создано человеком*), эталона сравнения (*летит стрелой*), места движения (*шел лесом*) и т. д. Падежи в семантическом понимании можно так или иначе выразить в любом языке, поэтому, если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают как элементы некоторой универсальной системы единиц смысла.

В рамках формального понимания падежа возможны вариации в зависимости от того, какие формальные различия считаются достаточными для признания двух падежей различными. В частности, порядок слов может признаваться или не признаваться достаточным формальным средством для различения двух падежей. Далее, возможны расхождения в том, допустимо ли рассматривать в качестве падежной формы сочетание имени с предлогом или послелогом (например, допустимо ли считать сочетание *to Peter* дательным падежом от *Peter*)¹. Можно назвать «узко формальным» такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы и два падежа признаются различными только в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы.

Конкретный падеж в узко формальном понимании (у существительных) в первом приближении можно описать так: это некоторый набор словоформ (или, если угодно, то общее, что имеют все словоформы такого набора), каждая из которых способна выражать, помимо своего основного, предметного значения, один или несколько падежей в семантическом понимании. Например, в русском языке творительному падежу соответствует ряд слово-

¹ См., в частности, известный разбор этого круга вопросов у Есперсена: О. Е с п е р с е н. Философия грамматики. М., 1958, гл. XIII.

форм, включающий, среди многих других, словоформы *пером, человеком, стрелой, лесом, мыслью, перьями, детьми* и т. д. Каждая из них способна выражать серию падежей в семантическом понимании (значения орудия, деятеля, эталона сравнения, места движения и т. д., ср. выше). Таким образом, падежи в узко формальном понимании — это одно из возможных средств (наряду с предлогами, послелогами, порядком слов и др.) для выражения падежей в семантическом понимании². Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще. Очевидно, что падежи в формальном (и, в частности, узко формальном) понимании не носят универсального характера, а всегда составляют элемент грамматического строя конкретного языка: в одном языке, например, 6 падежей (в формальном понимании), в другом 15, в третьем их нет вообще.

В современной лингвистической литературе, в особенности в конкретных описаниях, безусловно преобладает узко формальное понимание падежа, и именно оно будет интересоваться нас ниже. Соответственно, в настоящей работе рассматриваются только такие описания падежных систем, которые в явной или неявной форме опираются на узко формальное понимание падежа³. В дальнейшем «падеж» (без уточнения) означает падеж в узко формальном понимании⁴.

Еще одно существенное ответвление в понимании термина «падеж» возникло сравнительно недавно в связи с работами Ч. Филлмора, который предложил использовать этот термин для обозначения определенных элементов глубинной синтактико-семантической структуры фразы⁵. «Глубинные» падежи носят, согласно Филлмору, универсальный характер и могут выражаться на поверхностном уровне различными средствами (аффиксами, служебными словами, порядком слов и др.) или даже никак не выражаться — в зависимости от конкретного языка. Вообще говоря, идея «глубинных» падежей может рассматриваться как продукт специфического развития (в русле идей порождающей грамматики) семантического понимания падежа. С формальной точ-

² Соотношение между падежами в узко формальном и семантическом понимании наглядно демонстрируется традиционными для латинских грамматик названиями типа *genetivus possessivus, genetivus partitivus, genetivus subjectivus, genetivus objectivus, dativus commodi, dativus possessivus, dativus finalis* и т. д.: здесь первая часть названия соответствует падежу в узко формальном понимании, а вторая — падежу в семантическом понимании.

³ Специально отметим, что узко формальное понимание падежа не нарушается тем, что, например, в традиционных русских грамматиках словоформы предложного падежа приводятся с предлогом *о* (*о доме, о домах* и т. п.). Здесь в действительности не имеется в виду, что предложный падеж от *дом* есть словосочетание *о доме*, поскольку предполагается, что в словосочетаниях *на доме, при доме* и т. д. выступает тот же самый падеж от *дом*. Иначе говоря, предложным падежом от *дом* фактически признается словоформа *доме* а выписывание предлога *о* — это лишь традиционный условный прием, несущественный для нашего анализа.

⁴ Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже (стр. 63) понятие «семантическая роль».

⁵ Ch. J. Fillmore. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y., etc., 1968.

ки зрения, однако, мы имеем здесь дело с еще одним противопоставлением в понимании падежа — противопоставлением «глубинных» и «поверхностных» падежей. Очевидно, что практически все рассматриваемые в существующих лингвистических описаниях падежи следует охарактеризовать как поверхностные. Таким образом, в настоящей работе речь будет идти только о поверхностных падежах.

Особой оговорки требуют также: а) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные морфемы аффиксами или служебными словами (т. е. в вопросе о синтагматической границе словоформы); б) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные словоформы частью именной парадигмы или образуют самостоятельное слово (т. е. в вопросе о парадигматической границе слова). Очевидно, что от решения этих вопросов непосредственно зависит число и состав выделяемых в описании падежей. Например, от оценки грузинских единиц типа *magida-ze* 'на столе', *saxl-ši* 'в доме' как единых словоформ или как сочетаний именной словоформы с послелогом может зависеть признание или непризнание двух местных падежей; от оценки санскритских единиц типа *çirša-taḥ* 'от головы, спереди', *viçva-taḥ* 'отовсюду' как именных словоформ или как наречий зависит признание или непризнание особого падежа на *-taḥ*. Однако подобные расхождения сами по себе не затрагивают принятого в описании принципа выделения падежей, т. е. способа отличать единый падеж от противопоставленной пары падежей. В зависимости от того или иного решения этих спорных вопросов перед грамматистом, описывающим падежную систему, предстает тот или иной объем подлежащего описанию материала; например, в одном случае словоформы типа *çiršataḥ, viçvataḥ* входят в этот объем, в другом нет. Но сам принцип выделения падежей, используемый грамматистом, может оставаться совершенно неизменным при всех вариациях описываемого материала (и наоборот, можно применить разные принципы выделения падежей к одному и тому же материалу).

В настоящей работе изучаются именно различия в принципах выделения падежей. Таким образом, рассматривая некоторое описание падежной системы того или иного языка, мы можем не интересоваться тем, хорошо ли решены в этом описании вопросы, связанные с границами словоформы и с границами парадигмы, поскольку они носят внешний характер по отношению к изучаемой нами проблеме. Соответственно, ниже мы везде будем исходить из того решения этих вопросов, которое принято в самом рассматриваемом описании.

Итак, ниже исследуются не все имеющиеся описания падежных систем, а только те, которые опираются на узко формальное понимание падежа и относятся к поверхностному уровню языка. Лишь после такого сужения первоначальной темы осуществляется описанная выше схема исследования. Иначе говоря, решается вопрос о том, окажется ли единообразным представление о падеже после того, как на него наложены указанные ограничения.

§ 2

Способ представления
существующих описаний падежных систем
в удобном для сравнения виде

Как видно из постановки задачи, отдельным объектом нашего исследования является не падежная система некоторого языка как таковая, а одно из существующих ее описаний. Чтобы получить возможность непосредственно сравнивать такие описания друг с другом, необходимо предварительно представить их в какой-то унифицированной форме. Ниже излагается один из возможных способов такого представления. Этот способ достаточно близок к традиционному (отличаясь от него главным образом большей четкостью), поэтому большинство существующих описаний может быть представлено в предлагаемой унифицированной форме без существенной перестройки.

В предлагаемой унифицированной форме описание падежной системы должно состоять из двух групп правил: 1) морфологические правила, описывающие само склонение, т. е. то, как образуются словоформы каждого падежа от разных категорий склоняемых слов; 2) семантико-синтаксические правила, указывающие для каждого падежа, в каких случаях он употребляется. Заметим, что в большинстве существующих описаний достаточно последовательно и компактно излагаются только правила первой группы; правила второй группы нередко предстают лишь в виде разнородных и обычно неполных сведений, к тому же рассеянных по разным разделам описания.

Морфологические правила

Вспомогательные понятия

Для описания морфологических правил нам потребуются некоторые вспомогательные понятия.

Назовем *номинатемой* единицу, получаемую абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Для практических целей можно также несколько упрощенно рассматривать номинатему просто как совокупность всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Под номинативным значением словоформы понимается совокупность элементов ее значения, отражающая непосредственно те или иные элементы действительности (в отличие от синтаксического значения, отражающего способность данной словоформы вступать при построении фразы в определенные связи с другими словоформами). У словоформ существительных среди номинативных элементов значения можно выделить основной, указывающий на предмет определенного вида, и дополнительные, выступающие в роли «семантических модификаторов» основного элемента значения. На-

пример, в номинативном значении словоформы *домики* основным элементом является «дом» (обозначение предмета определенного вида), а его семантическими модификаторами — множественность и уменьшительность. Перечислим важнейшие из семантических модификаторов, которые практически необходимо учитывать в последующем изложении:

а) количественные характеристики — единичность, множественность, двойственность, собирательность, частичность и т. п. (ср. *студент, студенты, студенчество*);

б) оценочные характеристики — уменьшительность, увеличительность, ласкательность, пренебрежительность и т. п. (ср. *ручка, ручища, рученька, ручонка*);

в) характеристика по определенности — неопределенности (ср. противопоставление неопределенной и определенной словоформ слова со значением «дом», например, в швед. *hus—huset*, румын. *casă—casa*, болгар. *дом—домът*, албан. *shtëpi—shtëpia*, араб. *baytun—'albaytu*, др.-евр. *bayiṯ—habbayiṯ*);

г) характеристика по принадлежности (ср. противопоставление словоформ со значением «дом» и «мой дом», например, в венг. *ház—házam*, фин. *talo—taloni*, араб. *baytun—baytī*, др.-евр. *bayiṯ—bēṯī*, таджик. *хона—хонаам*, азерб. *ев—евим*);

д) характеристика по полу (только для названий живых существ, ср. *волк—волчица* и т. п.).

Таким образом, к одной номинатеме относятся только такие словоформы, у которых совпадает как основной элемент номинативного значения, так и все его семантические модификаторы, например: *студенты, студентов* (род. падеж), *студентам, студентов* (вин. падеж) и т. д. Напротив, например, словоформы *студент* и *студенты*, *рука* и *ручка*, *hus* и *huset*, *ház* и *házam*, *волк* и *волчица* относятся соответственно к разным номинатамам. В качестве обозначения номинатемы может быть использована одна из ее словоформ, например: номинатема *студенты*.

Номинатема обычно составляет часть некоторой лексемы⁶; в частном случае она может быть равна лексеме. Например, лексема *студент* состоит из номинатем *студент* (ед. число) и *студенты* (мн. число); шведская лексема *student* состоит из номинатем *student* (ед. число, неопред.), *studenten* (ед. число, опред.), *studenter* (мн. число, неопред.), *studenterna* (мн. число, опред.); лексема

⁶ Под лексемой понимается единица, получаемая абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (см. также: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение, М., 1967, § 1.7; далее эта работа обозначается сокращенно: РИС) или, упрощенно, совокупность всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (в настоящем изложении мы практически исходим именно из упрощенных определений номинатемы и лексемы). Таким образом, грамматические элементы номинативного значения (например, единичность или множественность, определенность или неопределенность у лексем не фиксированы, тогда как у номинатемы фиксированы все элементы номинативного значения.

кто состоит из одной номинатемы. Оказывается, что для выявления и описания падежной системы языка существенно только распределение словоформ по номинатамам, а их распределение по лексемам — несущественно. Например, на падежную систему никак не влияет тот факт, что пары словоформ типа *студент—студенты*, *hus—huset*, *ház—házam* обычно относят в соответствующих грамматиках к одной лексеме, а пары типа *студент—студенчество*, *рука—ручка*, *волк—волчица* относят к разным лексемам⁷. Именно поэтому в данном вопросе оказалось невозможным опереться на общеизвестное понятие лексемы и пришлось ввести новое вспомогательное понятие номинатемы.

В дальнейшем изложении потребуется также понятие с е г м е н т а, т. е. внешней стороны словоформы. Приводимый ниже языковой материал рассматривается в письменной (орфографической) форме; соответственно, сегмент предстает как последовательность букв от пробела до пробела. Для языков со свободным ударением, типа русского, сегмент, вообще говоря, должен быть снабжен знаком ударения. (В настоящей работе русские сегменты приводятся со знаком ударения в таблицах и в тех случаях, где возможна двусмысленность; в прочих случаях в соответствии с традицией знак ударения опускается.) Выражение «сегмент та-ной-то номинатемы» означает сегмент, служащий внешней стороной какой-либо словоформы из этой номинатемы.

Таблица склонения

Основное требование, предъявляемое к морфологической части описания падежной системы, состоит в том, что она должна обеспечить для любой номинатемы и для любого падежа указание сегмента (или сегментов), которыми представлена данная номинатема в данном падеже⁸ (или указание о том, что такого сегмента не существует).

Логически (но, конечно, не практически) самой простой формой таких правил является таблица с двумя входами, где каждая строка соответствует некоторому падежу, а столбец — номинатеме и где таким образом представлены все падежи и все номинатемы. В отдельной клетке таблицы может содержаться один или несколько сегментов или стоять прочерк (как символ того, что нужного сегмента не существует)⁹. Разумеется, действительно выписать

⁷ Между прочим, это означает, что на описание падежной системы никак не влияют разногласия по поводу границ лексемы, например, разногласия по поводу того, следует ли относить в русском языке единственное и множественное число существительного к одной лексеме. Ср. также: А. В. Г л а д к и й. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. — Наст. сборник, стр. 49 (§ 4, пункт 7).

⁸ Т. е. сегментов, являющихся внешней стороной словоформ, относящихся одновременно к данной номинатеме и к данному падежу.

⁹ Заметим, что если не считать разницы в числе столбцов, то такая таблица вполне сходна с обычными таблицами склонения, приводимыми в грамматиках.

всю такую таблицу практически невозможно, хотя бы потому, что номинатем слишком много. Любые реальные правила склонения строятся гораздо компактнее; существенно, однако, что если они удовлетворяют указанному выше основному требованию, то результат их действия в принципе можно представить в виде такой таблицы. Поэтому мы будем в дальнейшем считать унифицированной формой записи морфологических правил склонения именно такую таблицу.

Временно исключим из рассмотрения ту часть этой мысленной таблицы, которая отражает склонение слов-атрибутов (прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных)¹⁰. Оставшаяся ее часть отражает склонение существительных и местоимений-существительных (далее называемых для краткости просто местоимениями). Она будет именоваться ниже просто т а б л и ц е й с к л о н е н и я.

Перевод правил склонения, содержащихся в конкретном описании, в указанную унифицированную форму в принципе несложен. Правда, в связи с тем, что традиционные описания недостаточно строги, при таком переводе может потребоваться некоторое редактирование: нужно довести нечеткие или подразумеваемые утверждения до явной формы¹¹, так или иначе устранить очевидные противоречия¹² и т. п. Таким образом, к сожалению, некоторый элемент толкования тут оказывается неизбежным.

Особый случай составляют описания, в которых одному классу номинатем приписан один набор падежей, а другому — другой (обычно один из таких наборов вкладывается в другой, но в принципе это не обязательно). Чтобы перевести такое описание в унифицированную форму, нужно для каждого упоминаемого в описании падежа отвести отдельную строку таблицы, а в столбце всякой номинатемы, которой этот падеж не приписан, поставить в данной строке прочерк. Ниже мы не делаем, однако, этой операции в том частном случае, когда один набор падежей приписан существительным, а другой — местоимениям. В этом случае таблица склонения состоит из двух отдельных частей: субстантивной и местоименной, различающихся между собой числом и (или) наи-

¹⁰ Вопросы, связанные со склонением слов-атрибутов, будут рассматриваться лишь во второй части настоящей работы.

¹¹ Например, нужно один раз для всего описания установить, является ли, скажем, название «именительно-винительный» обозначением особого падежа, отличного от именительного и винительного, или обозначением омонимии этих падежей, и т. п. (это реальная проблема, например, для понимания ряда румынских грамматик).

¹² Так, например, в «Грамматике латинского языка» С. И. Соболевского в § 22 сказано, что в латинском склонении различаются шесть падежей (приводится список, в который местный падеж не входит) и соответственно строятся все таблицы склонения, а в § 524 говорится: «Названия городов и небольших островов на вопрос «где?» ставятся в местном падеже (без предлога), который в ед. числе 1-го и 2-го склонения одинаков с родительным падежом, а в ед. числе 3-го склонения и во множ. числе всех склонений одинаков с творительным падежом».

менованиями строк (т. е. падежей)¹³. Дело в том, что по своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов.

Разумеется, если правила склонения, содержащиеся в рассматриваемом описании, неполны (т. е. не удовлетворяют основному требованию), то эта неполнота отразится и в таблице склонения: в некоторые клетки не будет внесено никаких сведений (ни сегментов, ни прочерка). Однако для рассматриваемых ниже вопросов подобная неполнота (в той мере, в какой она реально встречается) оказывается несущественной; иначе говоря, решение этих вопросов не меняется, если исключить из рассмотрения все те столбцы таблицы склонения, где есть хотя бы одна такая клетка, не содержащая никаких сведений. Поэтому ниже мы будем исходить из того, что такие столбцы уже исключены и, следовательно, всякая клетка таблицы склонения содержит либо сегмент (сегменты), либо прочерк.

Отметим следующие формальные свойства таблицы склонения, обусловленные тем, что рассматриваются только описания, опирающиеся на узко формальное понимание падежа:

- а) всякая таблица склонения содержит не менее двух строк;
- б) любые две ее строки различны между собой (т. е. хотя бы в одном столбце клетки этих строк заполнены по-разному).

Отметим также следующее эмпирически наблюдаемое свойство таких таблиц: никакая строка такой таблицы не равна сумме двух других (строка C_1 равна сумме строк C_2 и C_3 , если в любом столбце клетка из C_1 содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток из C_2 и C_3). Содержательно это означает, что ни одна грамматика не признает особым падежом возможность безразличного использования (в определенных случаях) любого из некоторой пары падежей. Например, никакая грамматика русского языка не признает особым падежом («именительно-творительным») форму, в которой выступает именная часть сказуемого во фразах типа *он был солдат* = *он был солдатом*, или другим особым падежом («родительно-винительным») форму, в которой выступает прямое дополнение при наличии отрицания (например, *он не видел этой книги* = *он не видел эту книгу*).

Семантико-синтаксические правила

Вспомогательные понятия

Для описания семантико-синтаксических правил, связанных с падежами, требуется ряд вспомогательных понятий, в том числе несколько уже использовавшихся при моделировании грамматической категории падежа¹⁴.

¹³ Возможен также случай, когда падежи признаются только у местоимений (а у существительных вообще не признаются). Тогда в сфере нашего рассмотрения остается только местоименная таблица склонения.

¹⁴ См.: В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М.,

Мы будем называть контекстом совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке.

Будет использоваться также неопределяемое понятие «семантическая роль», содержательно соответствующее тому, что выше было названо падежом в семантическом понимании. С этим понятием связано следующее словоупотребление. Пусть имеется фраза *он послал родителям книгу своего друга*. Мы будем говорить, что сегмент *родителям* выражает¹⁵ в данной фразе семантическую роль «адресат действия» для номинатемы *родители*; сегмент *книгу* выражает в данной фразе семантическую роль «объект действия» для номинатемы *книга*; сегмент *друга* может выражать в данной фразе семантическую роль «владелец чего-либо» или семантическую роль «автор чего-либо» для номинатемы *друг*. Семантические роли могут выражаться сегментами не только во фразах, но и в словосочетаниях. Например, в словосочетании *послать родителям книгу своего друга* сегменты *родителям*, *книгу*, *друга* выражают (для соответствующих номинатем) те же семантические роли, что в разобранный выше фразе.

В дальнейшем будет часто встречаться пара следующего вида: некоторый контекст + некоторая семантическая роль. Ради сокращения последующих формулировок примем для такой пары рабочее название «ситуация». Пример ситуации: контекст «*братъ ...*» + семантическая роль «объект действия».

Будем говорить, что ситуация S (контекст K , семантическая роль R) допускает сегмент n для номинатемы N , если этот сегмент, будучи подставлен в контекст K на место многоточия, даст фразу или словосочетание, где он может выражать семантическую роль R для номинатемы N . Так, ситуация, где K = «*братъ...*» и R = «объект действия», допускает сегмент *вилку* для номинатемы *вилка*, сегмент *лошадей* для номинатемы *лошади* и т. д. Напротив, она не допускает для номинатемы *вилка*, например, сегмента *вилка* (словосочетание *братъ вилка* не имеет смысла) или сегмента *вилкой* (в словосочетании *братъ вилкой* сегмент *вилкой* выражает не ту семантическую роль, которая входит в заданную ситуацию).

З а м е ч а н и е. Поскольку понятию семантической роли определения не дается, можно по-разному отвечать на вопрос о том, в каких случаях мы имеем дело с одной и той же семантической ролью. Так, при более широком понимании семантической роли можно считать, что в *братъ вилку* и *описать вилку* представлена одна и та же семантическая роль «объект действия», при более узком — что здесь две разных: например, «объект физического воздействия» и «объект описания». Не имея средств для формального разграничения

1957. — Используемому ниже термину «контекст» соответствует в этой работе «набор слов с пропуском», термину «семантическая роль» — «состояние», термину «ситуация» — «согласованная пара»; ср. также РИС, § 2.3.

¹⁵ Эту формулировку надлежит рассматривать как эллиптическую, вместо более строгой: «сегмент *родителям* является внешней стороной некоторой словоформы, которая выражает ...».

этих двух пониманий, отметим лишь, что практически ниже обычно используется более широкое понимание семантической роли. К счастью, для большинства интересующих нас вопросов выбор более узкого или более широкого понимания семантической роли оказывается несущественным. Дело в том, что в настоящей работе семантические роли почти везде рассматриваются не в чистом виде, а в составе ситуаций, т. е. при некотором фиксированном контексте. Так, если задан контекст «*братъ ...*», то по существу безразлично, как обозначить семантическую роль, выражаемую в этом контексте сегментами *вилку, овцу, лошадей* и т. д. — как «объект действия», «объект физического воздействия» или даже «объект взятия»; достаточно лишь отличить эту семантическую роль от таких, как «орудие действия» или «адресат действия». Утверждение о том, что, например, ситуация, где $K = \text{«братъ ...»}$ и $R = \text{«объект действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* сегмент *вилку*, в сущности сводится к нашему интуитивному представлению о том, что в данном контексте сегмент *вилку* выражает ту же самую семантическую роль (как бы она ни была обозначена), что и определенный ряд других сегментов — в частности, *овцу, лошадей, лампу, корабль, словя* и т. д. Это интуитивное представление, по-видимому, достаточно единообразно у носителей русского языка.

Будем говорить, что ситуация S и номинатема N совместимы, если имеется хотя бы один сегмент, который ситуация S допускает для N . Пример несовместимости: ситуация, где $K = \text{«идет...»}$ и $R = \text{«субъект действия»}$, и любая номинатема мн. числа, например, *люди, корабли, столбы*.

Предположим, что для рассматриваемого языка уже некоторым образом задана таблица склонения. Тогда мы будем говорить, что ситуация S допускает для номинатемы N падеж C , если она допускает для N любой сегмент, содержащийся в той клетке таблицы склонения, которая принадлежит столбцу N и строке C . Например, ситуация, где $K = \text{«братъ...»}$ и $R = \text{«орудие действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* творительный падеж, поскольку она допускает оба сегмента (*вилкой* и *вилкою*), которые содержатся в соответствующей клетке таблицы склонения. Будем говорить, что ситуация S всегда допускает падеж C , если она его допускает для всякой совместимой с ней номинатемы, не имеющей прочерка в клетке падежа C . Например, только что рассмотренная ситуация всегда допускает творительный падеж.

Как легко видеть, введенные определения опираются на предположение о том, что мы можем непосредственно обращаться к смыслу любой фразы или словосочетания. Тем самым мы сталкиваемся здесь с пресловутой проблемой грамматической правильности, поскольку смыслом обладают только грамматически правильные фразы (или словосочетания)¹⁶. В связи с этим необходимы некоторые разъяснения неформального характера.

В настоящее время признано, что грамматическая правильность допускает градацию. Различают по меньшей мере две степени — так называемую «реальную» грамматическую правильность и грамматическую правильность,

¹⁶ Вообще, по-видимому, допустимо считать, что грамматически правильная фраза — это такая фраза, которой можно приписать некоторый смысл, не производя в ней мысленных исправлений (иначе говоря, это такая фраза, что можно найти некоторый смысл, для которого она окажется правильным внешним выражением). Оговорка об отсутствии исправлений нужна для того, чтобы в число грамматически правильных не попали фразы с ошибками в согласовании и т. п., которые тем не менее можно понять, т. е. осмыслить.

возникающую лишь на основе определенных аналогий с реально правильными фразами¹⁷. К сожалению, строгого и эффективного способа разграничивать эти степени грамматической правильности не найдено. По-видимому, целесообразно интерпретировать различие двух степеней грамматической правильности в семантических терминах, а именно, как различие между «семантически стандартными» и «семантически нестандартными» фразами. Основная идея такого разделения состоит в следующем: для осмысления (понимания) семантически стандартной фразы достаточно использовать словарные значения каждого входящего в нее слова; для осмысления семантически нестандартной фразы хотя бы одному слову должно быть приписано не одно из его словарных значений, а особое значение, полученное из словарного путем некоторого семантического сдвига, направленного на «семантическое приспособление» слова к необычному контексту. Этот сдвиг чаще всего состоит в метонимии, позволяющей приписать слову общие свойства «чужого» семантического класса слов, который обычно выступает в данном контексте. Разумеется, предлагаемое разграничение не претендует на строгость и может служить для практических целей лишь в достаточно явных случаях.

Рассмотрим некоторые характерные примеры «семантического приспособления», имеющие непосредственное отношение к проблеме падежа. Русские существительные довольно четко делятся на два семантических класса, которые можно условно обозначить как класс поддающихся счету и класс не поддающихся счету. Существительные, поддающиеся счету, например, *дом, стена, корова, врач*, характеризуются как качественной, так и количественной определенностью: *дом* означает предмет с определенными свойствами и в определенном количестве (а именно, один; в большем количестве это уже называется *домá*). Существительные, не поддающиеся счету, например, *чай, вода, голод, воображение*, характеризуются только качественной, но не количественной определенностью: *чай* означает предмет с определенными свойствами, но в любом количестве; в частности, любая часть чая есть тоже чай. Для каждого из этих семантических классов характерна особая сочетаемость с другими словами. Например, в сочетаниях «немного + родительный падеж ед. числа» нормально могут выступать только слова, не поддающиеся счету: *немного чаю, воды, воображения* и т. д. Возможны ли вообще сочетания вроде *немного стены, коровы, врача*? Сначала слушатель воспринимает их как бессмысленные, однако затем он быстро обнаруживает возможность их осмыслить: нужно лишь приспособить значения существительных к необычному контексту, изменить эти значения так, чтобы они приобрели основное свойство противоположного семантического класса — качественную тождественность части и целого. Конкретные пути к этому могут быть различными: например, под «стеной» в силу метонимии можно понимать материал, из которого она сделана; особенно легко совершается семантический сдвиг, в результате которого любой предмет представляется как пища. Таким образом, фразы типа *дайте мне немного стены* грамматически правильны, но семантически нестандартны.

Другой подобный пример составляет противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных. Можно сказать, например: *зайца убила молнией (деревом, камнем, градом)*; но не говорят: *зайца убило охотником (медведем, собакой)*. Тем не менее фразы второй группы не являются грамматически неправильными; они лишь семантически нестандартны. Чтобы их понять, нужно осмыслить охотника, медведя, собаку и т. д. просто как физические тела (которые могут, например, падать сверху).

Особенно известный пример составляют слова со значением отрезка времени. Только эти слова входят в нормальных условиях в сочетания типа *спал час (минуту, целый день, всю неделю), час тому назад, часом позже* и

¹⁷ Ср.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Резни. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, § 0.3 (ср. также РИС, § 2.3).

т. п. Если в этих сочетаниях употребить существительные других семантических групп, то для осмысления таких текстов потребуется произвести довольно сложное «семантическое приспособление». Например, чтобы осмыслить сочетания *спал целый лес, лес тому назад, лесом позже*, можно представить себе поезд, который идет мимо лесов, перемеженных полями; при этом слову *лес* путем метонимического переноса будет приписано значение «отрезок времени», в течение которого проезжается лес», т. е. ему будет придано основное общее свойство нужной семантической группы.

Как видно из примеров, неопределяемые понятия грамматической правильности и семантической стандартности приложимы как к фразам, так и к словосочетаниям. При изучении падежа в большинстве случаев достаточно анализа словосочетаний (ср. в этом отношении практику традиционных грамматик).

Существующие модели грамматической категории падежа опираются на уровень грамматической правильности; на уровне семантической стандартности почти все они оказались бы недействительными. Между тем представляется вероятным, что традиционное понятие падежа формировалось на базе семантически стандартных фраз. Поэтому для оценки тех или иных схем, связанных с падежом, существенно установить, какого уровня правильности фраз (словосочетаний) они требуют. Понятно, что в зависимости от выбранного уровня правильности изменяется реальное содержание понятия «допускать (некоторый сегмент)» и всех тех, которые на него опираются. Ниже, если специально не оговорено обратное, эти понятия используются применительно к уровню грамматической правильности.

Правила управления

Назовем **правилом управления** для некоторой ситуации указание о том, какой сегмент (или сегменты) допускает эта ситуация для каждой совместимой с ней номинатемы. Поскольку предполагается, что таблица склонения известна, правило управления для некоторой ситуации может иметь, в частности, следующий вид: «данная ситуация всегда допускает такой-то падеж (или такие-то падежи)». Такое правило управления мы будем называть **простым**. В другом частном случае правило управления может быть таково: «все совместимые с данной ситуацией номинатемы делятся на классы $A_1, A_2, \dots, A_n$; для всего класса A_1 данная ситуация допускает такой-то падеж (или падежи); для всего класса A_2 она допускает такой-то падеж (или падежи) ... и т. д. до A_n ». Такое правило управления мы будем называть **расчлененным**. Простые и расчлененные правила управления объединяются под названием **стандартных**; соответственно, правила управления любой иной структуры называются **нестандартными**.

Общий вид задач, решаемых с помощью правил управления, таков. Представим себе, что в процессе синтеза фразы с заданным смыслом возник некоторый контекст; уже известно, кроме того, какую номинатему следует употребить в этом контексте и какая семантическая роль должна быть при этом выражена. Требуется найти сегмент (или сегменты) данной номинатемы, которые удовлетворяют заданию. (Разумеется, мы не считаем, что синтез любой фразы непременно должен проходить через такой этап; нам достаточно показать здесь, что описанная задача вполне реальна.)

Правила управления для всех возможных ситуаций и образуют в нашей унифицированной схеме семантико-синтаксическую часть правил, связанных с падежной системой. Разумеется, непосредственно выписать правила управления для всех возможных ситуаций нельзя, поскольку число ситуаций, по-видимому, даже не конечно. Известно, однако, что на выбор падежа у существительного фактически влияет не все его окружение во фразе, а обычно лишь то слово, которому оно синтаксически подчинено¹⁸. Это значит, что если не менять заданной семантической роли, то, например, контекст «*послал ... книгу своего друга*» можно свести к «*послал...*» или даже «*послать...*» и правило управления от этого не изменится. Возможны и иные типы перехода от одной ситуации к другой без изменения правила управления. Благодаря этим обстоятельствам в принципе возможно выбрать ограниченное число «ключевых» ситуаций, для которых указываются правила управления, а для всех остальных ситуаций построить правила сведения их к какой-либо из ключевых. В грамматиках и словарях в качестве таких ключевых ситуаций обычно выступают ситуации, где контекст состоит из предлога, из глагола или из глагола плюс предлог (при этом семантическая роль уточняется лишь в том случае, если сам по себе контекст еще не предопределяет выбора падежа). Примеры соответствующих формулировок из традиционных описаний: «предлог *без* требует родительного падежа (= управляет родительным падежом)»; «глагол *руководить* управляет творительным падежом»; «в латинском языке при глаголах с общим значением «липать, лишаться, нуждаться» существительное, обозначающее отнимаемый или недостающий предмет, ставится в отложительном падеже». Типовые случаи глагольного управления, когда выбор падежа определяется прежде всего семантической ролью, рассматриваются в традиционных грамматиках в разделе «значения падежей» (или «употребление падежей»); ср., например, правило о том, что название объекта действия ставится в винительном падеже. Более индивидуальные случаи управления, когда выбор падежа тесно связан с конкретным глаголом, обычно относятся к ведению словарей.

Как уже отмечено выше, семантико-синтаксические правила, связанные с падежной системой, в традиционных описаниях обычно гораздо менее последовательны и полны, чем морфологические. Ни в одном описании нет явного перечня ключевых ситуаций (или каких-то их аналогов), и нет никакой уверенности в том, что соответствующая информация содержится в каком-либо описании хотя бы в неявном или распыленном виде; нет также и явно сформулированных правил перехода от произвольных ситуаций к ключевым или наоборот. Таким образом, при переводе любого суще-

¹⁸ Случай, когда падеж существительного определяется серией подчиняющих слов, встречаются существенно реже: *стремится в город, живет в городе, не имеет смысла, не мог разглядеть пятна*.

ствующего описания в унифицированную форму в семантико-синтаксической части должны обнаружиться значительные лакуны. К счастью, для целей настоящей работы о правилах управления, содержащихся в том или ином описании, требуется знать лишь очень немного, а именно, только их структуру, т. е. принадлежность к числу простых, расчлененных или нестандартных.

Очень существенно здесь также то, что структура правил управления оказывается непосредственно связанной с устройством таблицы склонения. Покажем эту связь на примере. Если при описании русского языка принята классическая 6-падежная схема (и, следовательно, например, у номинатемы *сад* в клетке предложного падежа находятся сегменты *саде* и *саду*), то невозможно дать никаких стандартных правил управления, в частности, для ситуации S_1 (контекст «говорить о...»; семантическая роль «предмет разговора») или ситуации S_2 (контекст «находиться в...»; семантическая роль «место, где нечто находится»). В самом деле, нельзя сказать *говорить о саду* или *находиться в саде*. Это значит, что ситуации S_1 и S_2 , совместимые с номинатемой *сад*, не допускают для нее предложного падежа (поскольку каждая из них допускает лишь один сегмент из соответствующей клетки). S_1 и S_2 не допускают для номинатемы *сад* также никакого другого падежа. Следовательно, никакие стандартные правила управления для этих ситуаций невозможны. Если же признать существование двух предложных падежей, то для S_1 и S_2 становятся возможными простые правила управления: S_1 всегда допускает обычный (1-й) предложный падеж; S_2 всегда допускает 2-й предложный падеж.

Таким образом, зная устройство таблицы склонения в некотором описании, мы фактически можем предсказать структуру правил управления (разумеется, при условии, что мы знаем рассматриваемый язык, конкретнее — что мы знаем, какие сегменты фактически допускает та или иная ситуация). Поэтому ниже, оценивая то или иное описание, мы учитываем не только те правила управления, которые в нем реально содержатся, но и те, которые с неизбежностью вытекают из принятого в этом описании устройства таблицы склонения. Более того, в случае каких-либо расхождений правилам последнего рода отдается предпочтение.

§ 3

Трудные случаи выделения падежей

Рассмотрим основные типы случаев, когда некоторый падеж конкретного языка в одних описаниях признается, а в других нет или когда сходные явления разных языков, имеющие отношение к проблеме падежа, по-разному трактуются в соответствующих грамматиках.

Морфологически несамостоятельные падежи

Назовем падеж морфологически несамостоятельным, если соответствующая строка таблицы склонения не содержит ни одного сегмента, который бы не встречался (в пределах того же столбца) в какой-нибудь другой строке. Простейший тип морфологически несамостоятельного падежа таков: все номинатемы делятся на два класса; у номинате одного класса морфологически несамостоятельный падеж C совпадает по форме с некоторым падежом C_1 , у номинате другого класса — с падежом C_2 .

Как легко понять, любой морфологически несамостоятельный падеж можно устранить из таблицы склонения (т. е. отказаться от признания его особым падежом), переформулировав соответствующим образом правила управления. Так, в указанном простейшем случае для этого достаточно заменить в правилах управления формулировку «всегда допускает падеж C » (везде, где она встречается) формулировкой «допускает падеж C_1 для номинате первого класса, падеж C_2 для номинате второго класса». Заметим, что простые правила управления превратятся при этом в расчлененные.

Таким образом, одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций). В существующих лингвистических описаниях мы находим примеры как первого, так и второго из этих решений. Оказывается, что отношение к морфологически несамостоятельным падежам — это самый существенный пункт расхождений в практике выделения падежей.

З а м е ч а н и е. Разумеется, для описания языка в целом выбор первого или второго из этих решений существенного значения не имеет: разница лишь в том, каким способом в описании зафиксирована определенная грамматическая информация (а именно, информация о том, какие сегменты допускает определенная серия ситуаций). При одном из решений для записи этой информации служит дополнительная строка в таблице склонения, при другом — усложненные правила управления. Непринципиальный характер этого различия не меняет, однако, того факта, что признание или непризнание морфологически несамостоятельных падежей воплощает два различных понимания термина «падеж».

Рассмотрим примеры признаваемых и не признаваемых грамматиками морфологически несамостоятельных падежей.

В традиционных грамматиках современного армянского языка в числе прочих падежей указывается также винительный, про который говорится, что у названий лиц (и у соответствующих местоимений) он совпадает с дательным, а у прочих слов — с именительным (у некоторых слов винительный падеж имеет две фор-

мы, одна из которых совпадает с дательным, а другая с именительным)¹⁹.

Морфологически несамостоятельный винительный падеж признается также в описаниях древнеармянского языка: в ед. числе (кроме слов «я», «ты») этот падеж совпадает с именительным, во мн. числе (а также у слов «я», «ты») — с местным.

Сложную картину представляет собой выражение прямого дополнения в эстонском языке. Здесь различается так называемое полное и так называемое частичное прямое дополнение. Правила их распределения, взятые в полном объеме, довольно сложны; здесь достаточно указать следующее основное различие: полное дополнение выступает в том случае, когда действие распространяется на весь предмет или на вполне определенную его часть (ср. русск. *принеси воду, чай*), частичное — когда действие распространяется на неопределенную часть предмета (ср. русск. *принеси воды, чаю*). Частичное прямое дополнение всегда ставится в особом падеже — паритиве. Полное прямое дополнение выражается менее единообразно, а именно: а) если глагол стоит в повелительном наклонении или в неопределенно-личной форме (а также в некоторых других, более сложно характеризуемых случаях), оно ставится в именительном падеже; б) в прочих случаях правило (в том виде, как оно дается в грамматиках) таково: в ед. числе полное дополнение ставится в родительном падеже, во мн. числе — в именительном. Для иллюстрации приведем фрагмент традиционной таблицы склонения и несколько фраз.

	«вода»	«пирог»
именительный	vesi	pirukad
родительный	vee	pirukate
паритив	vett	pirukaid

Частичное прямое дополнение: *too vett (pirukaid)* «принеси воды (пирогов)». Полное прямое дополнение: а) *too vesi (pirukad)* «принеси воду (пирог)»; б) *tšin vee (pirukad)* «я принес воду (пирог)» [ср. обычный родительный падеж в *vee (pirukate) maitse* «вкус воды (пирогов)»]. Очевидно, что в случае «б» в принципе можно было бы усмотреть и особый морфологически несамостоятельный падеж («винительный»), избавившись тем самым от приведенного выше расчлененного правила управления²⁰.

Особенно замечательный случай составляет традиционная латышская грамматика: она содержит одновременно пример при-

знания и пример непризнания морфологически несамостоятельного падежа. С одной стороны, в ней признается существование особого творительного падежа, который в ед. числе всегда совпадает с винительным, а во мн. числе — с дательным; ср. следующий фрагмент традиционной таблицы склонения:

	«стол»	«стола»
родительный	galda	galdu
дательный	galdam	galdiem
винительный	galdu	galdus
творительный	(ar) ²¹ galdu	(ar) galdiem

С другой стороны, дается следующее синтаксическое правило: при ед. числе существительного или местоимения одна группа предлогов требует родительного падежа (например, *iz galda* «из стола», *bez galda* «без стола»), другая — винительного (например, *pār galdu* «через стол», *ap galdu* «вокруг стола»), третья — дательного (например, *līdz galdam* «до стола»); при мн. числе существительного или местоимения все предлоги требуют дательного падежа: *iz galdiem* «из столов», *bez galdiem* «без столов», *pār galdiem* «через столы», *ap galdiem* «вокруг столов», *līdz galdiem* «до столов». Непоследовательность такого описания очевидна. Чтобы ее устранить, нужно либо вообще отказаться от признания морфологически несамостоятельных падежей и, следовательно, не признавать особого творительного падежа²², либо, напротив, признать еще один морфологически несамостоятельный падеж (совпадающий в ед. числе с родительным, а во мн. числе с дательным, ср. *iz galda, iz galdiem*). В последнем случае правила управления станут простыми: например, предлог *līdz* требует дательного падежа, предлоги *pār, ap* (и, конечно, также *ar*) — творительного, предлоги *iz, bez* — указанного выше дополнительного падежа.

Еще один пример подобного рода составляет беспредложное обозначение места действия в латыни. В классической латыни оно возможно лишь у ограниченного круга слов (практически только у имен собственных — названий городов и островов), например: *vivō Rōmae* (Corinthi, Cypri, Athēnīs, Carthāgine) «живу в Риме (в Коринфе, на Кипре, в Афинах, в Карфагене)». При этом у одной части номинатив (например, *Rōma, Corinthus, Cyprius*) сегменты, выступающие в таких фразах, совпадают с родительным падежом, у другой (например, *Athēnae, Carthāgō*) — с отложительным (подробнее см. цитату из С. И. Соболевского в сноске 12; отложитель-

¹⁹ В то же время в некоторых нетрадиционных описаниях существование винительного падежа в современном армянском языке отрицается; ср., в частности: Э. Б. Агамян. Склонение и спряжение в современном армянском языке (структурный анализ). Ереван, 1967 (на арм. языке).

²⁰ Именно такое решение мы находим, например, в описании вепсского языка, близко родственного эстонскому и вполне сходного с ним в рассматриваемом здесь отношении; см.: М. М. Хьямляйн. Вепсский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

²¹ Словоформы творительного падежа в таблицах принято приводить с предлогом *ar* «с, посредством», поскольку они почти никогда не употребляются без предлога (ср. русскую традицию приводить словоформы предложного падежа с предлогом *о*).

²² Именно такое решение принято в некоторых менее традиционных описаниях, в частности, в грамматическом очерке Я. В. Лоя, включенном в его «Латышско-русский словарь» (М., 1946).

ный падеж назван там творительным). Несколько отклоняются от этого принципа словоформы *domī* 'в доме, дома' (обычный родительный падеж чаще *domūs*, чем *domī*) и *gūrī* (наряду с *gūre*) 'в деревне, за городом' (обычный отложительный падеж *gūre*); однако, по признанию большинства грамматик, *domī* и *gūrī* в классический период функционируют уже не как именные словоформы, а как наречия (ср. русск. *дома*); сочетания типа *domī meae* 'в моем доме' сохраняются лишь в качестве застывших архаических оборотов.

Некоторые латинские грамматики выделяют на основании этих фактов особый местный падеж (образующийся не от всех слов); понятно, что этот падеж морфологически несамостоятелен. Большинство грамматик не признает, здесь, однако, особого падежа, а вместо этого дает в соответствующем разделе расчлененное правило управления²³. (В цитированной выше грамматике С. И. Соболевского противоречиво соединены оба возможных подхода.)

Заметим, что описанное состояние складывалось в латыни постепенно и этапы его формирования можно проследить по памятникам²⁴. Так в доклассический период встречаются словоформы местного падежа, не совпадающие ни с родительным, ни с отложительным, но совпадающие с дательным, например *Carthāgīnī* 'в Карфагене' у Плавта (понятно, что и в этом случае местный падеж выступает как морфологически несамостоятельный). Но еще раньше, в древнелатинский период, существовали словоформы местного падежа, отличные от всех прочих падежей, например, *Dēlei* 'на Делосе' (ср. родительный *Dēlī*); таким образом, для этого периода местный падеж должен быть признан морфологически самостоятельным и не может быть устранен из списка падежей.

По-видимому, в разных языках можно обнаружить немало случаев подобного рода, которые просто не привлекли внимания составителей традиционных грамматик. Например, словари русского языка отмечают, что глагол *ждать* может иметь дополнение как в родительном, так и в винительном падеже (не указывая, как эти падежи распределяются). Фактически в современном языке здесь действует следующее расчлененное правило управления: у одушевленных существительных употребляется винительный падеж, у неодушевленных — родительный (у некоторых неодушевленных возможны оба эти падежа); ср. *жду мать, сестру, конца, ночи, поезда или поезд* (подробнее см. РИС, § 2.9). Понятно, что этот факт можно было бы также описать как существование особого морфологически несамостоятельного падежа.

Другой пример. Подставляя в контекст «*это произошло в...*» названия отрезков времени, получаем: а) *это произошло в четверг, в субботу, в ночь, в каникулы, в день (час, минуту) отъезда, в наше время, в ту пору, в ту весну, в великий пост* и т. д.; б) *это произошло в мае, в ноябре, в конце недели, в середине зимы* и т. д.; в) *это*

²³ Такое решение восходит к античным латинским грамматистам; см. об этом: В. М. Л и н д с е й. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 41—42.

²⁴ См.: А. Эрн у. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 23—25.

произошло в тот год (= в том году), в первый месяц года (= в первом месяце года) и т. д. Таким образом, здесь при желании также можно выделить особый морфологически несамостоятельный падеж («временной»). Нечто сходное мы находим также, например, в эстонском языке: *asi juhtus novembris (laupäeval)* 'дело случилось в ноябре (в субботу)', где *novembris* — инессив (букв. 'в ноябре') а *laupäeval* — адессив (букв. 'на субботу')²⁵.

Итак, в конкретных описаниях мы фактически сталкиваемся с двумя несколькими различными пониманиями термина «падеж»: допускающим и не допускающим существование морфологически несамостоятельных падежей. Первое понимание по существу определяется требованием о том, чтобы для всякой ситуации правила управления были простыми; при втором понимании данное требование подлечит соблюдению лишь в тех пределах, где это не ведет к появлению морфологически несамостоятельных падежей; соответственно, в принципе допускаются расчлененные правила управления.

Разумеется, было бы неправильно полагать, что составлению всякого конкретного описания падежной системы предшествовал сознательный выбор одной из этих двух концепций падежа. В ряде случаев признание или непризнание конкретного морфологически несамостоятельного падежа явно определялось побочными факторами. Чаще всего таким фактором является давление грамматической традиции другого языка, например, влияние латинской падежной схемы. Это влияние можно усмотреть, например, в некоторых случаях признания морфологически несамостоятельного винительного падежа. Сходное влияние может оказывать также падежная схема, свойственная предшествующим этапам развития данного языка. Например, признание особого творительного падежа в традиционной латышской грамматике несомненно связано с тем, что в общебалтийском (так же, как в современном литовском) этот падеж был морфологически самостоятельным. Напротив, другой морфологически несамостоятельный падеж латышского языка (выступающий после *iz, bez*) не соответствует какому-либо особому общебалтийскому падежу и потому не отражен в традиционной схеме (отсюда внутренняя противоречивость этой схемы).

Можно предполагать, что на выбор одной из этих двух концепций падежа в какой-то степени влияют также некоторые внутриязыковые факторы. Так, по-видимому, агглютинативный характер языка благоприятствует концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, поскольку для грамматик агглютинативных языков характерно представление об однозначном соответствии между падежом и выражающим его

²⁵ Заметим, что на уровне сочетаний существительного с предлогом (который в настоящей работе не рассматривается) мы находим аналогичные соотношения также в парах типа англ. *in November* — *on Saturday* или русск. *в Белоруссии, в Крыму* — *на Украине, на Таймыре* и т. п.

аффиксом. Этой же концепции, по-видимому, благоприятствует семантическая прозрачность того деления номинатом на классы, которое необходимо использовать в расчлененном правиле управления (например, ед. число — мн. число, одушевленные — неодушевленные, личные — неличные, определенные — неопределенные); и наоборот, несвязанность этого деления со смыслом (например, в случае, где деление проходит по типам склонения) благоприятствует признанию морфологически несамостоятельного падежа.

В целом в лингвистической практике, по-видимому, шире представлена концепция, не допускающая морфологически несамостоятельных падежей. Заметим, что установить полный список представленных в языке падежей при этой концепции гораздо легче, чем при противоположной, поскольку многие потенциальные морфологически несамостоятельные падежи могут долго оставаться незамеченными, пока синтаксис данного языка изучен недостаточно полно.

Различие указанных двух концепций падежа не было учтено в существующих работах по моделированию грамматической категории падежа; все эти работы (в том числе РИС, § 2.3—2.10) в неявной форме исходят из концепции, допускающей морфологически несамостоятельные падежи (т. е. из той, которая менее распространена в лингвистической практике).

Падежи, близкие к морфологической несамостоятельности

Иногда падеж представлен специфическими (не встречающимися в других падежах) сегментами лишь у меньшинства номинатом, а для совокупности всех остальных номинатом выступает как морфологически несамостоятельный. Например, винительный падеж в русском языке представлен специфическими сегментами (*воду*, *юношу*) только в ед. числе слов на -а, -я, а в остальных случаях совпадает либо с именительным (*вижу сад*, *поле*, *стёны*, *лошадь*, *чудовище*), либо с родительным (*вижу слона*, *собак*, *чудовищ*). Дательный падеж в латыни представлен специфическими сегментами (*patrī* 'отцу', *fructū* 'плоду') только в ед. числе части слов III и IV склонений, а в остальных случаях совпадает либо с отложительным, либо с родительным. Падежи с этой особенностью, как правило, признаются грамматиками наравне с обычными падежами.

Имеется, правда, пример, когда падеж с такой особенностью трактуется (в части описаний) не вполне обычно. В старославянском языке в роли прямого дополнения, например при *обрѣтъ* 'я нашел', *сътворишъ* 'я создал', *поимѣ* 'я возьму', *знахъ* 'я знал' и т. д. возможны: а) сегменты, не совпадающие ни с именительным, ни с родительным, например *женѣ* 'женщину', *рабы* 'рабов', *грады* 'города'; б) сегменты, совпадающие с именительным, например *градъ* 'город', *село* 'поле', *дань* 'дань', *жены* 'женщин'; в) сег-

менты, совпадающие с родительным, например *врача* 'врача', *Петра* 'Петра'. Для ряда номинатом возможны колебания, например: *обрѣтъ сына* (или *сынѣ*), *рабѣ* (или *раба*), *львѣ* (или *льва*) 'я нашел сына, раба, льва'.

В менее традиционных грамматиках эти факты описываются в принципе так же, как сходные факты русского языка, а именно, таблица склонения выглядит так (приводим характерный фрагмент):

	«женщина»	«рабы»	«город»	«врач»	«раб»
именительный	<i>жена</i>	<i>рабы</i>	<i>градъ</i>	<i>врачь</i>	<i>рабѣ</i>
родительный	<i>жены</i>	<i>рабѣ</i>	<i>града</i>	<i>врача</i>	<i>раба</i>
винительный	<i>женѣ</i>	<i>рабы</i>	<i>градъ</i>	<i>врача</i>	<i>рабѣ, раба</i>

Соответственно правила управления здесь простые.

В более традиционных грамматиках таблица склонения выглядит иначе, а именно, в качестве винительного падежа, например для «врач», «раб» приводятся *врачь*, *рабѣ*. Соответственно считает, что в *обрѣтъ врача*, *раба* существительные стоят в родительном (а не винительном) падеже, в отличие от *обрѣтъ рабы*, где *рабы* — винительный падеж; иначе говоря, выражение прямого дополнения описывается с помощью расчлененных правил управления. Примечательно, что при этом *градъ* в *обрѣтъ градъ* считается словоформой винительного (а не именительного) падежа. Заметим, что словоформа винительного падежа *врачь* выступает в таком описании как чистая грамматическая фикция, поскольку сегмент *врачь* не употребляется в старославянском не только в качестве прямого дополнения к *обрѣтъ*, *сътворишъ*, *поимѣ* и т. д., но и ни в какой другой ситуации, допускающей *женѣ*, *рабы* и прочие сегменты, специфические для винительного падежа. (Иначе говоря, в клетке винительного падежа для номинатомы «врач» при таком описании можно было бы поставить и прочерк.)

Едва ли, однако, это традиционное описание можно рассматривать как отражение какого-то особого понимания падежа; по-видимому, это просто непоследовательное с синхронической точки зрения решение, явно продиктованное диахроническими соображениями, а именно, тем, что *женѣ* и *градъ* (в *обрѣтъ градъ*) восходят к праславянскому винительному падежу, а *врача* — к родительному.

Особый частный случай составляют падежи, которые представлены специфическими сегментами только в сфере местоимений, а в сфере существительных выступают как морфологически несамостоятельные.

Так, в современном немецком языке винительный падеж представлен специфическими сегментами (*mich* 'меня', *ihn* 'его', *wen* 'кого') только у части местоимений (и артиклей), а у существительных совпадает либо с именительным, либо с родительным. Совершенно такое же положение в древнеанглийском языке.

Граматики обоих этих языков признают винительный падеж наравне с прочими.

В финском языке прямое дополнение выражается так же, как в эстонском (см. выше), с тем отличием, однако, что у личных местоимений в функции полного прямого дополнения выступает особая словоформа, например *minut* 'меня', *heidät* 'их'. Так, при именительном падеже *vesi* 'вода', *piirakat* 'пироги', *he* 'они' и родительном падеже *veden*, *piirakoiden*, *heidän* находим в качестве полного прямого дополнения: а) *tuo vesi* (*piirakat*, *heidät*) 'принеси воду (пироги, их)'; б) *toin veden* (*piirakat*, *heidät*) 'я принес воду (пироги, их)'. В финских грамматиках эти факты описываются двумя разными способами. Первый способ понятен из следующего фрагмента таблицы склонения:

	«вода»	«пироги»	«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	<i>heidän</i>
винительный I	<i>veden</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>
винительный II	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>

При втором способе описания у местоимений признается иной набор падежей, чем у существительных; ср. фрагменты соответствующих таблиц склонения:

	«вода»	«пироги»		«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	именительный	<i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	родительный	<i>heidän</i>
			винительный	<i>heidät</i>

Соответственно вводятся расчлененные правила управления; например, признается, что после *toin* выступает, в зависимости от номинатемы, именительный (*piirakat*), родительный (*veden*) или винительный (*heidät*) падеж.

Таким образом, падежи, представленные специфическими сегментами только в сфере местоимений, в принципе могут трактоваться существенно иначе, чем обычные.

Слабо дифференцированные пары падежей

Иногда две строки таблицы склонения различаются между собой лишь в незначительной части столбцов. В этом случае соответствующую пару падежей можно назвать *слабо дифференцированной*. Поскольку нельзя указать никакого естественного порога (ни в виде фиксированного числа столбцов, где падежи не совпадают, ни в виде фиксированного процента таких столбцов), ниже которого два падежа уже следует считать слабо дифференцированными, нет смысла пытаться построить формальное определение данного понятия.

Слабая дифференциация двух падежей обычно не расценивается в грамматиках как основание для объединения их в один падеж. Например, в сербском языке выделяют, среди прочих,

дательный и местный падежи, словоформы которых различаются лишь у незначительной части слов, притом только в ед. числе. (Заметим, что внешне это различие, как правило, выражается лишь в разнице интонаций при тождестве фонемного состава, ср. дательный *stvāri* и местный *stvāri* от *stvār* 'вещь'.)

Существует, правда, и обратный пример: так называемые 1-й и 2-й предложные падежи русского языка (признаваемые во многих современных описаниях), которые различаются лишь примерно у 150 слов, притом только в ед. числе, в традиционных русских грамматиках рассматриваются как единый предложный падеж. Как уже показано выше (стр. 68), при таком решении для ряда ситуаций возможны лишь нестандартные правила управления. Как же реально должны строиться эти нестандартные правила? Обозначим через *P* совокупность всех ситуаций, которые, с традиционной точки зрения, допускают предложный падеж. Разделим все номинатемы на два неравных класса: упомянутые выше 150 номинатем («особый» класс) и все остальные («основной» класс). Вполне эффективно следующее правило: любая ситуация из *P* допускает для номинатем основного класса предложный падеж. Остается обеспечить построение правильных фраз с номинатемами особого класса: нужно как-то предотвратить появление фраз вроде *нахожусь в саде*, *у него на носу очки* или *говорю о саду*, *заинтересован в этом шкафу*. Оказывается, что этой цели можно достичь следующими операциями: 1) сегменты предложного падежа номинатем особого класса разделяются на два ряда (так, что в одном ряду оказываются, например, сегменты *саде*, *носе*, *тени*, в другом — *саду*, *носу*, *тени*); 2) все ситуации из *P* делятся на две группы, в соответствии с тем, какой из этих двух рядов сегментов они фактически допускают; 3) дается правило о том, что если ситуация принадлежит *P*, а номинатема — особому классу, то следует учитывать, к какой из двух групп относится ситуация, и брать сегмент предложного падежа из соответствующего ряда. Разумеется, описание можно построить и как-то иначе, но оно должно быть равносильно данному.

Очевидно, однако, что указанные операции — лишь неявная форма признания двух разных предложных падежей, по крайней мере у номинатем особого класса. Коль скоро это так, рассмотрим, каким образом этот факт может быть отражен в таблице склонения. В принципе здесь возможны два типа решения: 1) допускаются только простые правила управления; 2) допускаются как простые, так и расчлененные правила управления.

При решении типа 1 у всех номинатем основного класса должна быть признана омонимия двух предложных падежей; ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

«сад» «тень» «стол» «вода» «сады»

1-й предложный *саде тени столé водé садаx.*

2-й предложный *саду тени столé водé садаx*

При решении типа 2 у номинатём основного класса признается существование лишь одного предложного падежа. (Для простоты мы отвлекаемся от возможности «смешанных» решений, при которых у части номинатём основного класса все же признается омонимия двух предложных падежей, а также некоторых других теоретически мыслимых, но не представляющих практического интереса решений.) Этот единый предложный падеж может быть отождествлен с одним из двух предложных падежей, выступающих в особом классе (обозначим такой вариант решения как 2^а). Например, если он отождествлен с 1-м предложным, то 2-й предложный считается существующим только у номинатём особого класса; так, считается, что во фразах *нахожусь в городе (в саду)* представлен 1-й предложный падеж от *город*, но 2-й предложный от *сад* (т. е. используются расчлененные правила управления). Ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

	«сад»	«тень»	«стол»	«вода»	«сады»
1-й предложный	<i>са́де</i>	<i>те́ни</i>	<i>столе́</i>	<i>воде́</i>	<i>сада́х</i>
2-й предложный	<i>саду́</i>	<i>тени́</i>	—	—	—

В варианте 2^б предложный падеж, выступающий в основном классе, рассматривается как отличный от обоих предложных падежей, выступающих в особом классе. В этом случае в описании должны фигурировать три разных падежа.

При любом из рассмотренных решений, однако, в общем списке русских падежей оказывается не один, а по крайней мере два предложных. Таким образом, в объявлении двух слабо дифференцированных падежей одним и тем же падежом (в данном языке вообще, а не применительно к некоторому классу слов) не удается усмотреть проявления какой-то особой, внутренне последовательной концепции падежа.

Заметим, что разница в традиционной трактовке дательного и местного в сербском, с одной стороны, и двух предложных в русском, с другой — несомненно в значительной мере определяется тем обстоятельством, что в первом случае речь идет о двух древних падежах, которые в ходе истории сблизились, а во втором — о сравнительно позднем «расщеплении» единого древнего падежа.

Обратимся теперь к вопросу о выборе между решением типа 1 (с простыми правилами управления) и типа 2 (с расчлененными правилами управления). В общем случае, по-видимому, предпочитается решение 1 (во многих описаниях изложение недостаточно четко для того, чтобы можно было установить тип принятого автором решения). Решение 1 принято, в частности, в сербских грамматиках, а также (насколько об этом можно судить) в тех описаниях русского языка, где признается существование двух предложных падежей.

Особый частный случай составляют, однако, такие два падежа, которые различаются только у местоимений. В этом случае представлены решения как первого, так и второго типа.

Так, в древнеармянском языке родительный и дательный падежи различаются только в ед. числе местоимений (а также у слов «мы», «вы») ²⁶. Оба эти падежа признаются тем не менее также и у всех остальных склоняемых слов.

Аналогично положение в современном армянском языке, где родительный и дательный падежи (признаваемые в грамматиках для всех склоняемых слов) фактически различаются только у местоимений. Правда, в грамматиках обычно утверждается, что эти два падежа различны также и у существительных: имеется в виду тот факт, что в родительном падеже, в отличие от дательного, не может появляться постпозитивный определенный артикль; ср. дат. *ginu* 'вину' (без артикля) или *ginun* (с артиклем), но род. — только *ginu*. Однако само по себе это ограничение можно было бы с тем же успехом связывать не с различием падежей, а с тем, в какой синтаксической роли выступает словоформа. Таким образом, противопоставление этих двух падежей опирается здесь, как и в древнеармянском, только на немногочисленные пары типа дат. *inj* 'мне' — род. *im* 'мой'.

Пару рассматриваемого типа образуют также именительный и так называемый винительный II в финском языке (см. выше): они различаются лишь у нескольких местоимений. В этом случае, как уже было показано, в грамматиках конкурируют оба возможных решения.

По-разному решается также вопрос об именительном и объектном падежах в английском языке, различающихся только у личных местоимений, ср. I 'я' — me 'меня'. Более распространено решение типа 2 (а именно, вариант 2^б): именительный и объектный падежи признаются только у местоимений, а у существительных им обоим вместе соответствует так называемый общий падеж (common case); существительные и местоимения имеют, таким образом, разные системы склонения ²⁷. Конкурирующее решение типа 1 (с признанием омонимии именительного и объектного падежей у существительных) представлено реже (мы не принимаем здесь во внимание те грамматик, где английскому языку приписываются вообще все латинские падежи: *the boy, of the boy, to the boy* и т. д. ²⁸).

Двусмысленно обычное для румынских грамматик обозначение «именительно-винительный», применяемое к единой форме су-

²⁶ Отметим, что при этом дательный падеж выражен специфическим сегментом (*inj* 'мне') только у одного слова «я»; у остальных местоимений, если он отличен от родительного, то совпадает с местным.

²⁷ См. об этом, в частности: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, § 61.

²⁸ О таких грамматиках см.: Г. Глосон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 182.

существительных, которой у личных местоимений соответствуют две разных формы, например, им. еп 'я' — вин. (ре) *mine* 'меня'. За таким обозначением может скрываться как решение 1, так и решение 2⁶ (ср. сноску 11).

Во французской, итальянской, испанской, португальской грамматиках существительные признаются не имеющими падежей, тогда как у личных местоимений различаются субъектная и одна или две объектных формы; ср., например, франц. *elle* 'она', *la* 'ее', *lui* 'ей'. Такое описание есть частный случай решения второго типа, поскольку существительным и местоимениям приписываются разные падежные системы; особенность здесь в том, что после такого разъединения падежная система существительных оказывается состоящей всего из одного падежа, а это, как известно, равносильно отсутствию падежей.

Факультативные падежи

Два падежа (C_1 и C_2) могут соотноситься друг с другом следующим особым образом: всякая ситуация, допускающая для каких-либо номинатом падеж C_2 , допускает для них также падеж C_1 (тогда как обратное неверно). Иначе говоря, в любой фразе всякая словоформа падежа C_2 может быть заменена без изменения смысла фразы словоформой падежа C_1 (той же номинатомы). Имея в виду эту особенность, назовем такой падеж C_2 ф а к у л ь т а т и в н ы м. Будем говорить также, что факультативный падеж C_2 п р и м ы к а е т к падежу C_1 ²⁹.

В таком соотношении находятся, по-видимому, два родительных падежа русского языка (признаваемые во многих описаниях). В роли C_1 выступает «обычный» (1-й) родительный, представленный, например, во фразе *таково свойство чая, снега, хлеба, воды, вина, книг*, в роли C_2 — так называемый 2-й родительный, представленный во фразах типа *у них мало чая, снега* (но также *хлеба, воды, вина, книг*). В современном языке словоформы 2-го родительного падежа, по-видимому, всегда можно заменить соответствующими словоформами 1-го родительного (ср. *у них мало чая, снега*)³⁰, тогда как обратное неверно.

Факультативный падеж обладает следующей формальной особенностью: соответствующая строка в таблице склонения может быть устроена несколькими разными способами при одних и тех же правилах управления. Среди этих способов практический

²⁹ Вообще говоря, может быть и несколько падежей, к которым примыкает факультативный падеж; однако реальные случаи такого рода нам неизвестны.

³⁰ Некоторый элемент сомнения возникает здесь только из-за нескольких уменьшительных существительных на -*ок*, -*ек*, у которых употребление 2-го родительного относительно более устойчиво; ср. *хочется чайку, кофейку, сахарку*. Наше изложение верно лишь при условии, что признаются грамматически правильными также фразы типа *хочется чайка, кофейка, сахарка* (несмотря на их непривычность).

интерес представляют два; покажем их на примере русских родительных падежей с помощью соответствующих фрагментов таблицы склонения.

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	<i>чая</i>	<i>снега</i>	<i>хлеба</i>	<i>воды</i>	<i>книг</i>
2-й родительный (C_2)	<i>чая</i>	<i>снегу</i>	<i>хлеба</i>	<i>воды</i>	<i>книг</i>

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	<i>чая</i>	<i>снега</i>	<i>хлеба</i>	<i>воды</i>	<i>книг</i>
2-й родительный (C_2)	<i>чаю</i>	<i>снегу</i>	<i>хлеба</i>	<i>воды</i>	<i>книг</i>

При представлении I строка C_2 включает строку C_1 (т. е. в любом столбце содержимое клетки из C_2 включает содержимое клетки из C_1). Представление II получается из I так: в тех столбцах, где C_1 и C_2 различаются, во всякой клетке строки C_2 вычеркивается всякий сегмент, который содержится также в соответствующей клетке строки C_1 .

Как нетрудно убедиться, разница между этими способами представления не влияет на правила управления. Пусть дано, например, такое правило управления: ситуация, образованная контекстом «у них мало ...» и семантической ролью «недостающий предмет», всегда допускает оба родительных падежа. При обоих способах представления это правило дает фразы *у них мало чая* (или *чая*), *снегу* (или *снега*), *хлеба*, *воды*, *книг* и т. д.

Представление II внешне проще; правда, оно маскирует факультативный характер падежа, тогда как представление I позволяет установить этот факт уже из самой таблицы склонения. Большинство авторов, признающих само существование 2-го родительного падежа в русском языке, по-видимому, предпочитают представление II (насколько это удастся установить из их изложения); в РИС, § 2.7, в соответствии с принятой там формальной процедурой выделения падежей использовано представление I.

Другой пример факультативного падежа — отложительный падеж в албанском языке: по-видимому, любая его словоформа может быть заменена соответствующей словоформой родительного падежа. В описаниях обычно предпочитается представление II, хотя встречается также и представление I.

З а м е ч а н и е. Как известно, вопрос о месте так называемого звательного падежа (или звательной формы) в системе форм имени является спорным. Поэтому в настоящей работе мы избегаем использования этой формы для иллюстрации каких-либо утверждений о падежах. Все же в некоторых формальных отношениях так называемый звательный падеж может рассматриваться наряду с обычными падежами. В частности, следует отметить, что звательная форма во многих языках имеет тенденцию к факультативности, а именно в

большей или меньшей степени допускается замена звательных словоформ словоформами именительного падежа. Наличие факультативной звательной формы, по-видимому, следует признать для разговорного стиля современного русского языка, где в функции обращения всегда может быть использована словоформа именительного падежа (например, *мама!*, *Ваня!*, *Маша!*, *товарищ!*, *гражданин!*), но наряду с ней у части номинатом возможна и особая «усеченная» звательная словоформа (например, *мам!*, *Вань!*, *Маш!*); литературная норма таких словоформ в настоящее время еще не признает.

Факультативный падеж чаще всего образует слабо дифференцированную пару с тем падежом, к которому он примыкает (хотя из самого определения факультативного падежа это обстоятельство никак не вытекает). Такую пару образуют, например, два родительных падежа русского языка. В связи с этим можно встретить еще один способ представления 2-го родительного падежа, совмещающий свойства представления II и второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированных падежей (см. выше, стр. 78):

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C ₁)	ча́я	сне́га	хле́ба	води́	книг
2-й родительный (C ₂)	ча́ю	сне́гу	—	—	—

Замечательно, что и в этом случае действительны те же правила управления, что при представлениях I и II; например, для ситуации, образованной контекстом «у них мало ...» и семантической ролью «недостающий предмет», верно, что она всегда допускает оба родительных падежа.

Факультативный падеж может быть также морфологически несамостоятельным. Именно таков 2-й родительный в русском языке: всякая его словоформа совпадает либо с 1-м родительным (*ча́я*, *води́*, *книг*), либо с дательным (*ча́ю*, *сне́гу*). Таким образом, если придерживаться концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, то словоформы *ча́ю*, *сне́гу* и т. п. во фразах типа *у них мало ча́ю* нужно отнести к дательному падежу. Разумеется, при этом появятся расчлененные правила управления следующего вида: некоторая ситуация допускает родительный и дательный падежи для номинатом *чай*, *снег*, *свет* и т. д. (следует перечислить), но только родительный для прочих. Любопытно, что такая трактовка действительно предлагалась: Н. Н. Дурново считал возможным относить словоформы типа *ча́ю*, *сне́гу* во фразах рассматриваемого типа к дательному падежу³¹ (о соответствующих правилах управления Н. Н. Дурново, правда, ничего не говорит). Этот его тезис вызвал, однако, критику Н. С. Трубецкого, который объявил его неприемлемым на том основании, что словоформы дательного падежа других типов склонения (например, *воде*, *книгам*) не могут использоваться в данной функции³². Нетрудно видеть, что по существу этот спор — лишь несколько специфический частный случай уже обнаруженных выше разногласий относительно допустимости морфологически несамостоятельных падежей.

³¹ Н. Дурново. О склонении в современном великорусском литературном языке. — ВЯ, 1971, № 4, стр. 100 (перевод статьи 1922 г.)

³² N. S. Trubetzkoy. Das morphologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1934, v. 5, N 2, стр. 10.

Мы рассмотрели разные способы, которыми можно представить факультативный падеж в таблице склонения в том случае, если он вообще признается отдельным падежом. Существуют, однако, описания, где факультативный падеж не считается отличным от того падежа, к которому он примыкает. Так, традиционная русская грамматика признает единый родительный падеж, к которому отнесены как словоформы типа *ча́я*, *сне́га*, так и словоформы типа *ча́ю*, *сне́гу*. Правда, поскольку 2-й родительный падеж является одновременно факультативным, морфологически несамостоятельным и слабо дифференцированным от обычного родительного, довольно затруднительно установить, в какой мере его непризнание традиционной грамматикой определяется именно его факультативным характером.

С формальной точки зрения, признание факультативного падежа и того, к которому он примыкает, единым падежом приводит (как и в случае слабо дифференцированной пары падежей) к тому, что для некоторых ситуаций становятся невозможными стандартные правила управления. Например, если для номинатомы *снег* в клетке единого родительного падежа приводятся сегменты *сне́га* и *сне́гу*, то ни при каких стандартных правилах управления невозможно избежать появления таких сочетаний, как **для сне́гу*, **внутри сне́гу*, **цвет сне́гу*, **таяние сне́гу* и т. п.

Можно, правда, вообще не включать в строку родительного падежа словоформы типа *сне́гу* (как обычно и делается в таблицах склонения, приводимых в традиционных описаниях). Тогда указанная трудность снимается, но зато теряется возможность порождать сочетания типа *немного сне́гу*, *стакан ча́ю* и т. п. (порождаются только *немного сне́га*, *стакан ча́я*). Заметим, что при таком описании не порождается никаких неправильных фраз и ни один смысл не остается невыразимым. Таким образом, с точки зрения системы синтеза, не ставящей своей целью построить для каждого смысла все выражающие его фразы, факультативный падеж оказывается, в соответствии со своим названием, действительно факультативным. Как известно, однако, такое суженное понимание синтеза не соответствует современным представлениям о задачах грамматического описания. Кроме того, очевидно, что подобное описание совершенно неудовлетворительно с точки зрения анализа, поскольку, встретив в тексте сочетание типа *стакан ча́ю*, мы не сможем его проанализировать и должны будем считать грамматически неправильным.

По-видимому, факультативность можно рассматривать как некоторое отклонение от нормального функционирования падежей; не случайно факультативные падежи встречаются редко. Опыт грамматического моделирования частично подтверждает этот взгляд: оказывается, что построить формальный аналог падежа, не учитывающий существования факультативных падежей, принципиально проще, чем такой, который моделировал бы одновремен-

но и обычные, и факультативные падежи³³. Таким образом, в характерном для многих описаний отказе от признания факультативного падежа полноправным членом падежной системы можно усматривать тенденцию (быть может, неосознанную) к такому пониманию падежа, которое исключает факультативные падежи (или при котором они должны расцениваться как аномалия).

Неполные падежи

Назовем падеж неполным, если в соответствующей строке таблицы склонения есть хотя бы один прочерк. На первый взгляд, на уровне грамматической правильности (в отличие от уровня семантической стандартности) неполных падежей не должно быть вообще. Однако в действительности лингвистическая практика знает неполные падежи. Можно выделить несколько типов таких падежей.

Прежде всего, падеж может оказаться неполным из-за того, что в соответствующей строке имеется некоторое (обычно весьма небольшое) число прочерков, объясняющихся чисто морфологическими затруднениями при построении соответствующих словоформ. Например, в русском языке для номинатемы *мглы* (мн. число) не удастся построить словоформу родительного падежа. В таких случаях говорят о дефектности соответствующей номинатемы (или лексемы, или парадигмы)³⁴. Неполнота, обусловленная дефектностью определенных номинатем, не является сколько-нибудь важной характеристикой соответствующего падежа³⁵; мы будем называть такую неполноту несущественной. (Отметим, что формального разграничения существенной и несущественной неполноты здесь не дается.) Далее мы будем рассматривать только существенно неполные падежи (т. е. неполные не из-за дефектности или не только из-за дефектности каких-либо номинатем).

З а м е ч а н и е. При описании языка можно с помощью сравнительно простых приемов избавиться от несущественной неполноты падежей. Во-первых,

³³ См.: А. А. З а л и з н я к. Формальный аналог понятия падежа. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам (Кязрику, 15—25 сентября 1967. Тезисы докладов)». Тарту, 1967, стр. 34; А. В. Г л а д к и й. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. — Наст. сборник, § 3, пункт 3.

³⁴ Изредка встречается дефектность, обусловленная не морфологическими затруднениями, а другими причинами. Например, отсутствие словоформ косвенных падежей у слова *некто*, вероятно, связано с тем, что словоформы *не́ксо, не́кому* и т. д. «заняты» другими значениями.

³⁵ С формальной точки зрения, из-за нескольких дефектных слов могут оказаться неполными все или почти все падежи языка; так, в русском языке неполны все падежи, поскольку, например, слово *некто* имеет только именительный падеж, а слово *себя* не имеет как раз этого падежа.

можно чаще, чем обычно принято, признавать супплетивизм основ; например как родительный от *мечты* можно рассматривать словоформу *мечтаний*, как именительный от *себя* — *сам* и т. п. Во-вторых, допустимо введение небольшого числа полугипотетических словоформ вроде *мечт, тоск, мгла* (родительный мн. числа от *мечта, тоска, мгла*). Таким образом, отказ от рассмотрения несущественной полноты падежей можно расценивать и как то, что мы ограничиваемся лишь такими описаниями, где проведены указанные здесь операции.

Существенно неполные падежи можно разделить на два типа. Пусть имеется неполный падеж *С*, представленный какими-то сегментами у определенного класса номинатем (обозначим его *А*) и не представленный у прочих номинатем. Если всякая ситуация, допускающая для номинатем класса *А* падеж *С*, допускает в то же время некоторый другой падеж (или падежи) для прочих номинатем, неполный падеж относится к типу II; в противном случае он относится к типу I.

Неполные падежи типа I чаще всего встречаются среди местных и иных «обстоятельственных» падежей. Основной причиной неполноты является здесь то, что соответствующие семантические роли естественны лишь для части предметов. Например, семантическая роль «место, где что-то происходит» естественна только для неодушевленных предметов, имеющих пространственные границы; семантическая роль «время, когда что-то происходит» естественна только для отрезков времени или событий, протяженных во времени. Поэтому специальные словоформы для выражения данных семантических ролей возникают только у соответствующих классов номинатем (что означает появление неполных падежей).

Так, например, в аварском языке местные падежи так называемой 5-й серии (передающие пространственное отношение «внутри полого предмета») образуются только от названий полых предметов (в отличие от местных падежей 3-й серии, передающих пространственное отношение «в сплошной среде» и образующихся даже от названий одушевленных предметов). В удмуртском языке все шесть местных падежей образуются только от неодушевленных существительных. В венгерском языке временной падеж (темпоралис) образуется только от названий событий или отрезков времени.

Несколько иной вариант того же явления представлен, например, так называемым инессивом II в баббийском языке: этот падеж передает значение «среди, в числе» и образуется только от существительных во мн. числе (ср. русск. *среди людей, в числе книг*, но не **среди человека, *в числе книги*).

В ряде случаев, однако, граница между номинатемами, образующими и не образующими словоформы неполного падежа, проходит более сложно и не может быть полностью объяснена одними лишь семантическими причинами. Так, местный падеж в латыни (если он вообще признается, ср. выше) образуется только

от части имен собственных (от названий городов и небольших островов, но не стран, гор, больших островов) и от единичных нарицательных. В современном армянском языке местный падеж имеет особую словоформу (на *-um*) только у части неодушевленных существительных, например, *daštum* 'в поле'. При этом наличие или отсутствие такой словоформы определяется не только семантическими, но и морфологическими причинами; это особенно очевидно в тех случаях, когда у одного и того же слова в одном из двух чисел словоформа на *-um* образуется, а в другом нет: ср. *dġnegum* 'в дверях' при невозможности формы на *-um* в ед. числе ('в двери' можно выразить только сочетанием *dġan mej*). В финском языке комитатив, передающий значение «вместе с», образуется только от существительных с притяжательным аффиксом (т. е. от номинатива, содержащих указание на владельца): можно сказать, например, *tuli lapsinensa* 'пришел со своим ребенком (со своими детьми)' (*-nsa* — притяжательный аффикс), но нельзя сказать **tuli lapsine* 'пришел с ребенком (с детьми)'.

В тех случаях, когда наличие или отсутствие словоформы неполного падежа определяется не чисто семантически, в языке обычно вырабатывается единый описательный прием для передачи соответствующего смысла при тех номинативах, которые данного падежа не имеют. Как правило, для этого используется сочетание словоформы какого-то другого падежа с предлогом или послелогом. Заметим, что подобный описательный оборот обычно приобретает универсальный характер, т. е. может использоваться (в качестве параллельного способа выражения) даже там, где словоформа неполного падежа существует. Так, в латыни универсальный способ выражения места состоит в сочетании предлога *in* с отложительным падежом, например: *in homine* 'в человеке', *in miseriā* 'в несчастье', *in insulā* 'на острове', *in Aegyptō* 'в Египте', а также *in Lemnō* (наряду с *Lemnī*) 'на Лемносе' и т. д. В современном армянском языке соответствующий способ состоит в сочетании родительного падежа с послелогом *mej*, например: *mardu mej* 'в человеке', *dġan mej* 'в двери', *dašti mej* (наряду с *daštum*) 'в поле' и т. д. В финском языке вместо комитатива может использоваться сочетание родительного падежа с послелогом *kanssa*, например: *lapsen kanssa* 'с ребенком', *lapsien kanssa* 'с детьми', *lapsensa kanssa* 'со своим ребенком', *lapsien-sa kanssa* 'со своими детьми' (последние два — наряду с *lapsinensa*).

Среди неполных падежей следует особо выделить те, которые образуются у каждой лексемы только от части входящих в нее номинативов. Из упомянутых выше падежей таковы баббийский инессив II и финский комитатив. Изучая случаи такого рода, нужно учитывать, правда, что за неполный падеж легко принять, например, омонимию чисел. Так, финский комитатив, помимо того, что он невозможен без притяжательного аффикса, имеет еще одну особенность: в отличие от всех остальных финских паде-

жей, он не допускает противопоставления по числу. С морфологической точки зрения, всякая словоформа комитатива образуется от основы мн. числа, но при этом она может обозначать как множественность, так и единичность соответствующих предметов; ср. примеры выше. Таким образом, финский комитатив является неполным падежом только из-за того, что он невозможен без притяжательного аффикса (но не из-за неразличения чисел). Описанное явление еще более характерно, например, для мокшамордовского языка: здесь в 9 падежах из 12 единственное и множественное числа внешне никогда не различаются.

Все рассмотренные здесь примеры неполных падежей относятся к типу I. Неполные падежи типа II представляют собой существенно иное явление: они появляются в описании при принятии второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированной пары падежей (см. выше, стр. 78). Примерами здесь могут служить, таким образом, падежи, рассматривавшиеся в предшествующих разделах, — в частности, русские 2-й предложный и 2-й родительный в той трактовке, при которой они признаются лишь там, где они отличаются соответственно от обычного предложного и обычного родительного. Понятно, что неполнота II типа (в отличие от I типа) носит в сущности формальный характер: она легко может быть устранена признанием падежной омонимии, например, омонимии двух предложных падежей у большинства русских номинативов (тогда как при неполноте I типа такая операция невозможна)³⁶.

³⁶ Автор приносит благодарность В. А. Успенскому за дружескую критику и помощь.